

"Я застаю память..."

Лето прошлого года в Санкт-Петербурге, как всегда, было прохладное. Утром вышел за газетами и за стеклом киоска увидел пристальный взгляд Паши с первой страницы "Известий". Я, в общем-то, не удивился: в последнее время он часто давал интервью, даже слишком часто для профессионального журналиста. И только взяв в руки газету, понял - это некролог. "Вчера, 11 июля, в Москве убит редактор русского издания журнала "Форбс" Павел Хлебников".

Кажется, в этот или на следующий день ездили в Кронштадт, ходили в театр, ничего не помню, всё время сверлила только одна мысль, один вопрос: "За что?". И ещё одна горестная: ведь если бы не наше русское разгильдяйство (носилки с раненым застряли в отключенном (?) лифте), может быть, спасли бы, откачали! Вот так "приветила" Россия своего далёкого "внука". Мы не встречались уже давно, он вращался совсем в других кругах: московский бомонд, элитные клубы, олигархические особняки, даже на тусовках профессионального экспертного сообщества появлялся крайне редко. Да и книги его - "Борис Березовский - крёстный отец Кремля" и "Диалог с варваром" - я, к стыду своему, в то время не прочёл.

Сразу начали говорить о "чеченском следе". Это тоже несколько удивляло: зачем "забугорным" чеченцам, которые на весь мир кричат о "российском империализме" и "геноциде чеченского народа", убийство американского журналиста? В причастность БАБа не верилось совсем, тем более западная, да и наша, пресса уже писала о "мировом соглашении" между беглым олигархом и журналом. Но как-то в памяти спрягалось: "Павел и Чечня", потом вспомнил - декабрь 95-го, первый "российско-германский диалог" в Гёте-центре в Москве. На завершающем банкете Саша Рар, тогда ещё не написавший своих знаменитых книг о Лебеде и Путине, передаёт мне привет от Павла. И все бурно обсуждают самую свежую новость - наши войска начали "восстановление конституционного порядка на территории Чеченской республики". А память уносила всё дальше и дальше, к самому началу "штормовых 90-х".

Лондонская школа экономики меня удивила: в здании шёл ремонт (это осенью-то, в начале семестра!), мы пробирались через вскрытые полы, перешагивали через нагромождения длинных досок, стучали молотки и противно визжали электропилы, а во всём этом раскардаше сновали толпы студентов. Совсем не так представлялся мне визит в колыбель кейнсианства, самое знаменитое в мире учебное заведение, воспитавшее не одного нобелевского лауреата.

Впрочем, большой амфитеатр был битком набит. И хотя меня предупреждали, что долго говорить здесь не дадут, пришлось сильно попотеть, ответив на десяток вёдливых вопросов. Когда народ валом повалил к выходу, к нам подошёл молодой мужчина и на безупречно правильном русском, сразу выдававшем иностранца, попросил об интервью. Мой "оганайзер" сразу поинтересовался, какое СМИ он представляет, и уважительно присвистнул, услышав название журнала "Форбс".

Мы с трудом нашли столик в кафе этажом выше, и тут наш собеседник сказал мне: "Я русский". Это не столько расположило меня к нему, сколько насторожило. Во всё время моего пребывания в Великобритании я уклонялся от общения с эмигрантами. Большею частью, как мне казалось, это были люди, сбежавшие не от советского режима, а от очередей и талонов, оказавшись же на "благословенном Западе", они всё время ныли и жаловались на дороговизну. Но когда Пол сказал мне, что он окончил Беркли, а здесь работает над докторской диссертацией по России, я понял, что это выходец из совершенно другой среды, потомок той "первой волны" эмиграции, которая и была "солью земли российской", подлостью и тиранией большевиков отринутой от Родины и давшей миру Стравинского, Бердяева, Сикорского и ещё сотни и тысячи талантов и гениев.

Как ни странно, ту нашу беседу я почти не помню, вопросы были скорее стандартные, мои ответы точно укладывались в идеологическую парадигму активиста формировавшейся "ДемРоссии", ярого противника Горбачёва и КПСС. Да и мысленно я уже был в Глазго в "своём" Стрэдклайдском университете, у своего тогдашнего "божества" сэра Алека Ноува, мне ещё предстояло познакомиться с Исайей Берлиным и кучей знаменитостей - от лорда Энтони Бенна и "красного Кена", нынешнего мэра Лондона Кена Левингстона, до лидера французских "анархов" 68-го, а затем депутата Европарламента и министра экологии Франции

Даниэля Кон-Бендита. Не была мне особенно важна встреча с очередным (он тогда только начинал работать в "Форбсе", и интервью это в печать не попало) журналистом. Впоследствии он напомнил мне, что его несколько обидели моя подчеркнутая холодность и явное нежелание что-либо говорить о Валентине Распутине (он его очень любил как писателя).

Визитками, впрочем, обменялись, и в следующем году, получив приглашение на русское отделение Гарварда, я предусмотрительно взял с собой все американские адреса. Мой друг Ли Сустар, приютивший меня в Нью-Йорке, работал в рекламном бюро на 5-й авеню, самой знаменитой после Бродвея улице в "большом яблоке". Мы всё время проходили мимо двух серых не очень высоких (по американским меркам), но солидных зданий. Ли как-то указал на них: "Это "Форбс", здесь отличный частный музей". Дома я взял визитку с телефонным номером и всё-таки решил позвонить, попал на автоответчик и на русском языке представился, оставив свой номер телефона. Пол откликнулся на следующий день и с утончённой вежливостью, как умеют только воспитанные западники, попросил напомнить, где мы встречались; скорее, это была маленькая завуалированная месть за мою небрежность при первой встрече.

Так или иначе, мы через день уже сидели в большом, но полупустом баре недалеко от редакции и пробовали нью-йоркское пиво, которое после ирландского казалось мне немного сладковатым. Пол тоже признался, что английское пиво ему больше нравится. Общие темы для разговора нашлись сразу, напомним, интерес к России (тогда ещё СССР) был необычайно высок. Я прилетел в США после потрясших воображение американцев (и не только американцев!) митингов на Манежной площади. В моей голове ещё гудела "Дубинушка", исполняемая сотнями тысяч голосов, Пол показал мне обложку журнала "Тайм", где митинг был снят с высоты птичьего полёта, это поражаало воображение. Густая масса людей заполнила не только Манежку, но и почти всю улицу Горького (ныне Тверскую) до памятника Долгорукому (СМИ тогда говорили о полумиллионе демонстрантов, куда там прошлогоднему Майдану!). Он сказал: "...Всем ясно, что у вас что-то произойдёт, но что?".

Мы проговорили больше трёх часов. Тогда я узнал, что он потомок адмирала Небольсина, что в его семье в общении употребляется только русский язык; кажется, если память меня не подводит, через мать он как-то был связан с царским родом Нарышкиных. Я рассказывал о своей диссертации о русском Харбине, о трагедии Николая Устрялова. Мы всё-таки сошлись на том, что безоглядно жертвенная любовь к Родине не может быть слепой, я помню его слова: "...иначе моя семья давно бы вернулась домой" (он сказал именно "домой", а не в Россию). Я узнал, что семейным духовником у них является бывший капеллан власовской армии. О "РОА" и её трагедии мы тоже долго спорили, но не сошлись во мнениях, всё-таки прочно сидели во мне рецидивы советского исторического образования: я и сейчас считаю, что "власовцев" можно понять, но нельзя простить.

Следующая встреча в китайском ресторанчике в окрестностях Бродвея была уже более формальной, он задавал вопросы и фиксировал на диктофон мои "ррр-эволюционные" максимы. Я очень дорожил тогда полученными от независимых шахтёрских профсоюзов представительскими полномочиями за рубежом, тем более что распоряжался солидными средствами, собранными английскими левыми и использовавшимися для снабжения рабочих организаций оргтехникой и литературой, поэтому большинство моих ответов касалось невозможности приставить солдата к каждому забастовщику и необходимости создания цивилизованного рынка труда. На завершающий же вопрос Павла: "Так это же капитализм?" - я ответил: "Увы, да!". Я не знал тогда, что девизом его журнала было: "Инструмент капиталиста".

Очень смешно выглядела фотосессия. Меня поставили на краю огромной ямы на той же 5-й авеню, сделанной коммунальными службами. Заглянув в "чрево" Нью-Йорка, я увидел чудовищное переплетение труб, каких-то кабелей и приборов минимум на 30-метровой глубине, меня обдавали облака пара из глубины, даже полицейский поинтересовался, что мы делаем в огороженном пространстве. Но мучения мои были вознаграждены, когда я увидел фотографию: в кожаной куртке, на фоне дымящихся развалин я выглядел чуть ли не символом революции. Потом эта фотография получила ещё какую-то внутриредакционную премию.

После этого сеанса Павел, он просил называть его именно так, а не Пол, повёл меня в музей "Форбса", и я воочию увидел знаменитые пасхальные яйца Фаберже (мог ли я знать, какое паблисити сделают на них некоторые наши капиталисты!), самую большую в мире коллекцию оловянных солдатиков и многое другое. Грустно думать, что этого музея больше нет - нынешние наследники распродали всю экспозицию. В конце встречи Павел сказал, что придумал замечательное название "Прощай, Горбачёв", но издатель (тогда это был рейгановский экс-министр обороны Каспар Уайнбергер) лично поставил знак вопроса в конце заголовка. "Но интервью пойдёт, я это чувствую", - добавил он.

Мне уже надо было быть в Гарварде, но совсем не хотелось уезжать из Нью-Йорка. Я напоминал сам себе виртуального "буриданова барана", издохнувшего от голода между двумя охапками сена. И одной из причин

этого промедления был Павел. В какой-то степени он был для меня примером настоящей европейской (или, скорее, англосаксонской) элегантности, воспитанности, европейского мужского шарма; на своих учителей я смотрел скорее снизу вверх, а здесь передо мной был ровесник. Забегая вперёд, когда после убийства была высказана версия личной мести одного из олигархов, у которого Павел отбил любовницу, я подумал, что это вполне возможно, на женщин он производил завораживающее впечатление, хотя, казалось бы, совершенно ими не интересовался. Я помню, одна из феминистских активисток на заключительном конвенте антивоенного движения, куда я уговорил Павла пойти, совершенно не слушала кумира пацифистов - экс-министра юстиции США Рамсея Кларка, а смотрела на Хлебникова с выражением кролика, жаждущего быть проглоченным коварным удавом.

Больше я Павла не видел, хотя время от времени получал от него приветы и электронные письма. Сейчас, когда президент России лично выразил соболезнование семье Хлебниковых, а в суде идёт процесс над двумя чеченскими киллерами и "прибандиченным" нотариусом, а заказчиком же объявлен "герой" книги "Диалог с варваром" Ходжи-Ахмед Нухаев, неизвестно где прячущийся, кажется, в деле об убийстве можно ставить точку. Но всё равно грызут сомнения. Да, киллеры, возможно, и эти, возможно, и посредник установлен. Но, повторяю, римский принцип следствия "Кому выгодно?" здесь как-то не срабатывает. Да и убийство бывшего вице-премьера "лояльной" Чечни, по ряду источников, бывшего консультантом Хлебникова по вопросу "освоения" средств на "восстановление Чечни", как-то не состыкуется с его смертью. Очень возможно, что в ходе своих журналистских поисков Павел слишком близко подошёл к тайнам "распила" бюджетных средств между заинтересованными лицами. Поэтому можно с уверенностью утверждать что, кто бы ни убил Хлебникова, главным заказчиком была российская коррупция. Скажут: "Суд разберётся!". Но...

Автор: Олег Воронин © Восточно-Сибирская правда ОБЩЕСТВО , РОССИЯ 👁 2691 01.02.2006, 15:08 ↻ 265
URL: <https://babr24.com/?ADE=27515> Bytes: 11361 / 11361 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)